

стадии разложения родового строя. Упорно пропагандируемое христианство в условиях временного вхождения горных районов в сферу политического, экономического и военного влияния грузинской монархии достигло значительных успехов в XII — начале XIII в. Но, если можно так сказать, христианизация горцев была поверхностной, не подготовленной внутренним развитием местных племен. И когда влияние Грузии сошло на не христианские догматы перестали получать поддержку сильной державы, предки чеченцев и ингушей законно возвратились к своим исконным дохристианским воззрениям, соответствующим их уровню общественного знания.

Однако христианство не прошло бесследно в идеологических представлениях вейнахов. Многие его образы и понятия влились в местные языческие культы. Наде? осталось в горах и почитание христианских святынь; истребленное даже мусульманством. Историк Семен невский в начале XIX в. писал: «В древнейшие времена ингуши... были христиане и находились в подданстве грузинских царей. Отпавши от христианства, они обратились к древнему своему богопочитанию... и, наконец, приняли ингуши мусульманский закон, но притом держава еще совокупно языческих и христианских обрядов: ? свинину, содержат посты, празднуют воскресенье и умножают опустевшие церкви»².

Уважали ингуши и храм Святого 2 тысяч. Ей 1886 г. В. Ф. Миллер слышал рассказы старожилы как один раз в год в развалинах Тхаба-Ерды собирались с приношениями жители окрестных мусульманских аулов. Во время торжества горцы варили пиво, резали баранов и быков. Перед пирушкой старики произносили молитвы об урожае, причем по традиции снимали папахи и держали их под мышкой. «Этот культ святыни не что иное, как глухое воспоминание тех отдаленных времен когда Тхаба-Ерды был приходской церковью окрестных аулов... Церковь с каждым годом разрушается, и, может, грозящие падением своды скоро рухнут, так от этого сооружения первых времен христианства от горцев останется лишь груда камней»³.

Грустное пророчество В. Ф. Миллера едва не сбылось. С тех пор храм еще более пришел в упадок, исчезли дорогие барельефы и все грузинские надписи, безвозвратно утеряна часть каменной модели здания, а стены церкви перерезали глубокие трещины, глядя на которые нетрудно было предугадать скорую гибель Тхаба-Ерды.

«Памятник нуждается в неотложном ремонте и реставрации и давно заслуживает более пристального изучения, ибо по своему значению в качестве источника для местной истории Тхаба-Ерды не имеет себе равных на Северном Кавказе», - писал недавно Е. И. Крупнов⁴.

Это предостережение прозвучало своевременно и повлекло за собою реальные действия. Сейчас Чечено-Ингушский музей краеведения (г. Грозный) с помощью высококвалифицированных архитекторов-реставраторов развернул большие работы по научному восстановлению и изучению этого важного объекта. И, надо думать, что затерявшийся ныне в необитаемых горах храм вскоре вновь станет местом паломничества, но уже не 2 тысяч религиозных горцев, а многих тысяч туристов, краеведов, ученых, желающих познакомиться с одним из свидетелей прошлой истории края и его обитателей (10,21).

Поездка в «Ущелье жилых башен»

Это было летом 1964 г.... Дремучие чащи буковых лесов остались позади внизу. Но цель едва ли не так же далека, как и в самом начале пути. Нагорный отряд Северо-Кавказской археологической экспедиции временно вверил свою судьбу высокогорным районам Чечни. Друзья и коллеги из двух других отрядов остались на плоскости: Е. И. Крупнов и В. И. Козенкова руководили раскопками в Сержень-Юрте, Р. М. Мунчаев исследовал курганы в окрестностях селения Бамут. А мы в полном соответствии со словами одной из сотен экспедиционных песен «побрели по горам опять древних башен руины искать».

Впрочем, вначале мы не брели, а восседали на экспедиционной машине, которая в требовательных руках шофера натужно стонала, преодолевая подъем за подъемом по горной дороге, или беззлобно ворчала, как бы; радуясь немногим относительно пологим отрезкам пути.

«Чем глубже проникните в горы, тем лучше», - напутствовали провожавшие. Нас и самих манил к себе таинственный уголок Чечни - район озера Галанчо́ж, легендарная прародина чеченских племен, исторический центр вейнахских народов. Это здесь — в верховьях рек Рошня, Гехи, Фартанга — издревле процветали богатые и многолюдные аулы, славившиеся своей силой и независимостью, гордившиеся древностью родов, населявших их. Район Галанчо́ж — овеянная преданиями Нашха - область, с именем которой, как полагают некоторые ученые, генетически связано и само название чеченцев («нахчи»). Отсюда, как гласит фольклор, выселился легендарный Турпал Нохчуо, родоначальник чеченцев, мудрый и героический вождь народа, чьи свободолюбивые потомки, отстаивая честь земли отцов своих, слагали мужественные напевы о суровой и неприветливой, но самой дорогой их Родине.

И выроста мы на камне,
Где ветер в сердце стучится,
Где снег нависает смертью
Над бедною головой...⁵

...Узкая дорога, на которой разминуться двум автомобилям — нелегкая, а иногда и невыполнимая задача, прервалась внезапно в области субальпийских лугов, доходя 25 км до озера Галанчо́ж-Ами. Дальше пути нет. Строители лишь только прокладывают вехи маршрута и путеводная нить для них — древняя дорога-тропа; Сколько всадников проехало по ней, сколько раз нехитрые арабы наполняли скрипом смежные ущелья, и вот теперь чуть заметная на склонах вершин, вьется и петляет заброшенная тропа. Это тропа войны и торговли, путь неоднократных переселений на плоскость из глубины гор и отступления под натиском врагов. Тропа — история и вместе с тем верный ориентир для прокладки современного шоссе, которое навсегда свяжет заоблачный край с остальными районами Чечено-Ингушетии.

Вблизи этой тропы, в ущелье Ажиг-чу и разбил свой лагерь отряд. Мы в Нашхе! Правда, это Нашха вторая, а первая, основная Нашха — выше, дальше, глубже в хребтах.

Утром следующего дня — первое знакомство с местностью. Поднимаемся на близлежащие вершины, пробираемся через девственные луга с травой более человеческого роста или с опаской передвигаемся по безжизненным каменным осыпям. Вокруг — горы. Горы и ущелья, шумно движущиеся реки, заглушающие ружейный выстрел. Горы - естественная крепость для людей

прошлых веков, потому - что «на высоком перевале, в темной теснине, на узкой тропе горстка храбрецов может остановить целое войско. Горы - кормильцы, потому что альпийские луга - прекрасные пастбища для скота. Горы-враги, потому что хребты разъединяют людей, а голые скалы - это безземелье, голод, смерть.

Такова Нашха, таящая историю целого народа, историю ненаписанную и неизвестную, так как район Галанчо́ж никогда не подвергался глубокому научному историко-археологическому изучению. Правда, еще в 1886 г. посетил эти места известный кавказовед В. Ф. Миллер, записавший поэтические народные предания и изучивший отдельные памятники старины. Но это была лишь первая рекогносцировка. В 1927 г. побывал здесь австрийский этнограф Бруно Плечке и уехал, навсегда покоренный дивными образцами самобытной горской архитектуры. С тех пор ученые не заглядывали в этот район. Что же расскажет нам Нашха? Чем порадует?

Отряд разделился. Цель одной группы (под руководством В. И. Марковина) - достичь с помощью проводника - озера Галанчо́ж-Ами. Палатка, спальные мешки, продукты, экспедиционное снаряжение навьючены на лошадей. Впереди несколько дней трудного пути по безлюдным хребтам. До свиданья, друзья! Мы будем ждать вас в лагере, а заодно исследуем окрестности, познакомимся со старой Нашхой.

Местные пастухи, беседой с которыми начались разговоры, советовали нам: «Приезжайте сюда ранней весной или поздней осенью, когда видна земля ...» Пастухи правы. Трудно найти в густом покрове буйной растительности какие -нибудь остатки древних поселений. Трудно, но все равно возможно.

Карабкаемся по кручам, внимательно осматриваем ниши, звериные тропы, места дорожных работ, Не оставляем без внимания и опустевшие развалины селений - ? там, где ныне руины, могли быть и башни и различные рисунки, выбитые на камнях (петроглифы).

Успех пришел в первый же день. На склоне горы верхи?- корт было поднято много фрагментов средневековой красноглиняной керамики, остатки железных шлаков и любые кустарные изделия из металла, пестрая стеклянная бусина и железный наконечник стрелы. находки бесспорно свидетельствуют о том, что несколько столетий назад (скорее всего в XIV в.) здесь существовало поселение трудолюбивых горцев. Древности Нашхи заговорили.

На вершине гряды Муши-дук, обрывающейся в соседние ущелья многосотметровыми кругами, найдены остатки крепостного комплекса. Огромные тщательно отесанные глыбы камня — свидетели напряженного и искусного труда создателей укреплений, умелых строителей и опытных воинов. Непрístupная крепость господствовала над местностью и запирала вход в глубокое ущелье, ведущее на плоскость. И это понятно. Плодородные долины Сунжи и Терека испокон веков манили к себе предков чеченцев и ингушей, задыхавшихся от безземелья в горных теснинах. Раздольные просторы степей видны с любой вершины в районе Галанчо́ж, они заманчиво проступают между громадами гор, там, где хребты разорваны течением бурных рек, вырывающихся на север.

Жилая башня вблизи аула Муцарой

Но недаром жила поговорка у вейнахов: «Предками завещано не селиться ниже военной дороги». Военная дорога — это Предкавказские степи, еще с эпохи скифских походов XVII в. до н. э. ставшие основным маршрутом продвижения воинственных кочевых орд. Самое губительное нашествие связано с именем татаро-монгольских завоевателей. Пришельцы наголову разбили разрозненные племена вейнахов, заперли их в труднодоступных ущельях, не только закрыли им доступ на плоскость, но и предпринимали неоднократные попытки вторжения в высокогорные районы. Препятствовать этим попыткам и должна была, по-видимому, крепость на Муши-дук. Она — передовой форпост в огромном комплексе высокогорных укреплений в Нашхе.

И действительно, ушедшие к озеру наши товарищи, проходя мимо аулов Хайбах, Муцарой, Чармахой, Хили и других, встретились с необычайным количеством средневековых башен — предметом законной гордости вейнахов. Преобладали здесь приземистые древние жилые башни («гiала»), хотя встречались и более поздние высокие, стройные боевые стрельницы. Около старинных заброшенных аулов башен было сразу по несколько штук. На

скалистых утесах, над безднами пропастей высились они. Вели к ним едва заметные извилистые тропы, доступные только смельчакам.

Башни... Им обязана своим вторым названием и сама местность. Ведь «Галанчо́ж» — это буквально «Ущелье жилых башен».

Время возникновения башенных построек и исторические условия, породившие их, еще далеко не ясно. Сумма всех известных ныне фактов как будто бы доказывает, что древнейшие «гiала» возникли на заре эпохи позднего средневековья, в страшное время нашествия татаро-монголов.

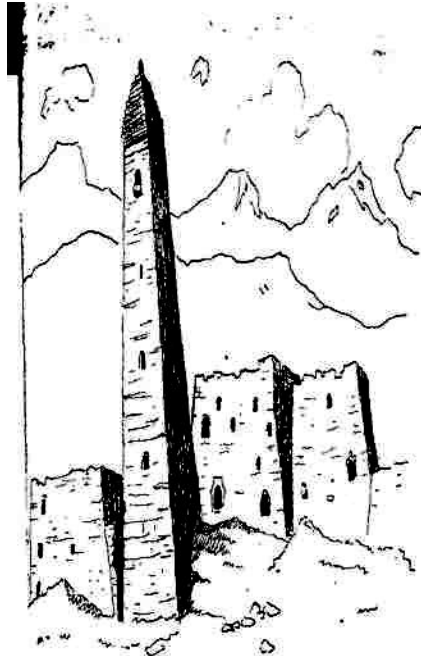
Недаром живет у вейнахов мудрая поговорка: «Отступить перед неизбежным поражением — это не трусость. Чеченские роды и племена укрывались в горах, и угроза поголовного истребления вынуждала их употреблять все силы на строительство каменных убежищ. Так, вместо легких турлучных построек и простых каменных сакл? склоны гор обросли двух- и трехэтажными башнями сложенными из массивных камней и приспособлениями для длительной осады. В дальнейшем башни стали обязательным атрибутом вейнахских тайпов в условиях разложения родового строя, приводящих к вспышкам межродовой вражды. Ни сил, ни времени не жалели горцы для строительства башен, и каждое из укреплений — подвиг древних зодчих.

Вот огромная «гала» близ селения Муцарой. Обустроена в скальной нише горы Нашхой-лам и в настоящее время абсолютно недоступна, так как находится на высоте 15 м, на отвесном обрыве. Но как же построено это мощное каменное сооружение, длина фасада которого 12, а высота не менее 9—10 м? Решение этой головол?ной строительной задачи делает честь безвестным архитекторам.

При возведении башни использовались деревянные лестницы. Они привязывались к каменным тумбам, ранее положенным ниже самой постройки по краю скалы. Стоя на вершукке лестницы, мастер подготавливал небольшую площадку для тумбы. Затем ему подносили камни и, намертво скрепленные известковым раствором, они создавали своеобразный «бык» для настила следующего пролета этого хитроумного сооружения. Тумбы располагались так чтобы переброшенные между ними лестницы составляли зигзагообразную искусственную тропу к скальной нише. По этим сходням и доставлялись наверх глыбы и плиты для постройки трехэтажной башни. А когда прочные ? с бойницами нависли над обрывом, башня стала фактически неприступной, так как убрать лестницы-сходни - дело одной минуты, а навести новую искусственную тропу-под огнем защитников башни едва ли было возможно.

Муцаройская жилая башня - одна из, десятков обмеренных, сфотографированных и тщательно описанных средневековых укреплений в окрестностях озера Галанчо́ж-Ами. Много их сохранилось здесь, но еще больше погибло. Войны, землетрясения, горные обвалы на протяжении веков разрушали и уничтожали архитектурные памятники. Однако обширные руины горных аулов, часокол сохранившихся башен, стен, укреплений со всей очевидностью свидетельствуют о бурно пульсировавшей некогда общественной жизни.

Со многими строениями Нашхи связаны легенды. Одна из них, приуроченная к остаткам замка, прилепившегося, подобно ласточкиному гнезду, к скалам в верховьях реки Гехи, гласит, что в отдаленные времена жил в замке некто Гарч с женой. Он был прославленным воином. Однажды отправился Гарч за добычей в другой аул, но упал в пропасть и разбился насмерть. А жена с нетерпением ждала его возвращения.

Боевая башня в окружении жилых башен (аул Хайбах)

Но вот увидела она, что внизу толпа людей несет на носилках труп ее мужа. Быстро достала она два савана (себе и мужу) и, держит их в руках, бросилась с балкона замка вниз на носилки мужа. Погибла любящая женщина, а замок обратился течением времени в груды развалин. Уцелел лишь балкон на скале как свидетель трагической смерти преданной жены.

В сердце горной Чечни сохраняется много легенд, преданий, песен, воспевающих верность, самопожертвование, героизм и трудолюбие горянок — подруг суровых воинов. Уважение к женщине оказалось сильнее шариатских мусульманских предписаний, низводящих ее положения жалкой бессловесной рабыни. Только люди свободные от влияния унижительных догм ислама, могли создать и пронести сквозь века строки, подобные тем, что находим мы в одной из старинных народных песен:

А наши любимые скажут:
«Мы ждали вас с битвы так долго,
Ждала я — и вот я целую, —
Ждала я, не смела устать

.....
Я дам ему рог с аракою,
Айрану и турьего мяса,
Я косы отрежу, чтоб косы
Пошли на его тетиву,
Сама наточу ему шашку,
Когда он уснет утомясь.
А если он ранен и стонет,
И кровью он моет траву, —
Спою ему песню и песней
Заставлю рану закрыться,

Напомнив о том, что весь род его
Вольный и боевой,
О том, что родился он ночью,
Когда щенилась волчица,
Что имя сыскали утром.
Под барса рев заревой»⁶.

(Перевод Н. Тихонова)

Это песня о Нашхе, о борьбе ее вольных детей-горцев иноземными феодалами-поработителями. Это песня о непогибаемых людях, застроивших глухие ущелья тысячами каменных башен. Это песня о чистоте сильного и гордого чувства — любви и уважения к женщине.

«Хороший стиль кроется в сердце»,- говорил Дидро, Много видевшая и пережившая, много выстрадавшая и издавшая Нашха в сердце каждого своего сына и дочери таит прекрасный стиль - будь ли это творения древних архитекторов, чудесные родники народной поэзии или границы героической борьбы за независимость, будь ли это напряженный творческий труд наших современников - колхозных животноводов или дорожных строителей, пробивающих сейчас шаг за шагом путь в страну альпийских лугов, в заповедник прошлого, в крупнейший юношеский район интенсивного скотоводства в настоящем.

Горное эхо далеко разносит грохот дорожных работ. Оно напоминает, что наша поездка затронула лишь некоторые районы Нашхи. Надо готовиться к дальнейшим исканиям, когда дорога, проложенная умелыми руками потомков древних зодчих, пройдет еще дальше, в глубь «Ущелья жилых башен» (21).

Мавзолей на холме

Он виден издалека, за много верст - небольшое белое пятнышко на пологом склоне серого безлесого холма - одного из отрогов Сунженского хребта. Путник не пройдет мимо него, а, поднявшись по проторенной в веках тропе, обязательно осмотрит этот прекрасный памятник старины вблизи современного ингушского селения Плиево. Давно пишут о нем путешественники и археологи, а местное селение хранит замечательные циклы легенд, связанных с этим историко - архитектурным объектом. Каменный мавзолей именуется в народе Борга-Каш, что означает «Могила Боргана». Он является единственным по стилю во всем Северном Кавказе. История его интересна и во многом загадочна.

Мавзолей представляет собою изящное сооружение в стиле восточных мусульманских надгробий. Он имеет прямоугольное основание, гладкие стены и полукруглый